D13 3/391

D13391

А. Голомбіевскій.

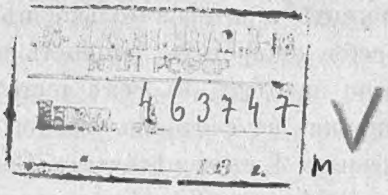
ЛЕГЕНДА и ИСТОРІЯ.

(О ѲЕДОРѢ КОЗЬМИЧѢ).

Оттиски изъ «Русскаго Архива».
(1908 г. кн. 3).

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1908.

Д13 3/391



ЛЕГЕНДА И ИСТОРІЯ.

...О немъ и нынѣ спорятъ вновь...
(Кн. П. А. Вяземскій).

Съ появленіемъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (№ 7, 1907) изслѣдованія Великаго Князя Николая Михаиловича, посвященнаго „Легендѣ о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Козьмича“ (вышло 2-мъ изданіемъ отдѣльно), въ разныхъ концахъ Россіи возникъ живой интересъ къ уже почти забытому вопросу. Въ печати сообщаются новыя данныя въ подтвержденіе легенды, предпринимается изданіе жизнеописанія и матеріаловъ о Ѳедорѣ Козьмичѣ Томскимъ книгопродавцемъ Д. Романовымъ (съ продажею теперь же изображеній старца); говорятъ, что въ Томскѣ образовался даже цѣлый кружокъ, поставившій себѣ цѣлью всякія изысканія о личности знаменитаго Сибирскаго старца.

Остается только радоваться неожиданному возбужденію (столь рѣдкому у насъ) интереса къ прошлому; но при этомъ слѣдуетъ пожелать однако бо́льшаго спокойствія и безпристрастія, которыя устранили бы попадающіяся иногда теперь явныя нарушенія требованій исторической критики. Благодаря этому возникновенію интереса и вызванному имъ всестороннему изысканію, кто знаетъ, можетъ быть, кому нибудь, даже можетъ быть кружку въ Томскѣ, удастся, въ концѣ концовъ, безспорно открыть: кто именно то лицо, которое скрывало свои настоящія званіе и имя и жило въ Сибири съ Марта 1837 года подъ видомъ и съ именемъ „старца Ѳеодора Козьмича“. Нельзя не привѣтствовать и того, что редакція Саратовской газеты „Волга“ открыла радушно столбцы для всесторонняго обсужденія занимающаго насъ въ данномъ случаѣ обстоятельства. Естественно, что въ такомъ діаметрально-противоположномъ дѣлѣ, какъ убѣжденіе въ томъ, что Александръ I скончался 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ, и вѣра, что Государь скрылся изъ Таганрога и умеръ въ Сибири 20 Января 1864 г.,— всѣ, интересующіеся этимъ вопросомъ, дѣлятся на два лагеря: одни, сторонники легенды, искренне и глубоко вѣрятъ, что преданіе о Ѳедорѣ Козьмичѣ не легенда, а историческій случай, полный глубокаго трагизма; другіе, умиляясь передъ поэтическимъ замысломъ народнаго

произведенной теперь впервые въ книгѣ Великаго Князя Николая Михаиловича. Впрочемъ, нельзя умолчать, что нѣсколько мистически настроенный Н. К. Шильдеръ находилъ по портретамъ Ѳедора Козьмича сходство въ чертахъ его лица съ лицомъ Александра. Спорить съ этимъ трудно; ибо это, конечно, уже чувство совершенно субъективное, подобное разсказу о явленіи тому же Н. К. Шильдеру во снѣ Ѳедора Козьмича, который будто бы исцѣлилъ его отъ головныхъ болей. Это уже область чудеснаго; но, не отрицая и этого, должно однако сказать, что для этого Ѳедоръ Козьмичъ долженъ быть признанъ не непремѣнно императоромъ Александромъ, явившимся своему историку, а только святымъ *).

Однако, цѣль наша—не входить въ подробный разборъ всѣхъ доказательствъ, представляемыхъ въ пользу того, что Сибирскій старецъ есть Александръ I, а указать только на фактическій матеріалъ, имѣющійся у той и другой стороны, и остановиться на нѣкоторыхъ пріемахъ, нечуждыхъ пристрастія; а тамъ уже пусть самъ читатель судитъ, какая чашка вѣсовъ перевѣшивается, въ смыслѣ достовѣрности и тяжести историческаго и фактическаго матеріала.

Богатство положительнаго документальнаго матеріала такъ велико, что всякій историческій фактъ, обоснованный такъ серьезно, былъ бы признанъ самою придирчивою критикою безусловно-доказаннымъ, если бы только въ данномъ вопросѣ не замѣшивались вѣра въ чудесное и своя доля фанатизма. Существуютъ, вѣдь, на лицо всѣ оффиціальные акты и документы, протоколы болѣзни и вскрытія тѣла, подробныя донесенія съ пути слѣдованія тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, протоколы вскрытія гроба и осмотра тѣла, церемоніалъ и актъ погребенія въ соборѣ. Существуетъ затѣмъ рядъ писемъ, записокъ и свидѣтельствъ близкихъ людей, бывшихъ съ Александромъ I въ Таганрогѣ: письма князя Волконскаго, Дибича, доктора Стофрегена, Записки Шёнига о вскрытіи тѣла („Русск. Арх.“ 1881 г.), о которыхъ П. И. Бартеневъ сообщалъ намъ, что Записки эти напечатаны полностью, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ органовъ; Записки сопровождавшаго тѣло и слѣдившаго все время за состояніемъ бальзамированія лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова; далѣе, показанія при-

*) Самъ достопочтенный, добродушный и необычайно-трудолюбивый Николай Карловичъ Шильдеръ, сколько намъ извѣстно, предавался иногда увлеченіямъ фантазіи, что̀ могъ онъ унаслѣдовать отъ своего знаменитаго родителя. Дальнѣйшія разысканія объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ невозможны безъ четырехтомнаго сочиненія Шильдера; но мы уже имѣли случай замѣтить, что это сочиненіе—не исторія, а приведенное въ порядокъ собраніе анекдотовъ, и при томъ сдѣланное съ предвзятою мыслію унизить Александра и возвеличить Сперанскаго. П. Б.

слуги и кучера И. Байкова, который всю зиму мерзъ на козлахъ траурной колесницы и готовъ былъ обрить себѣ бороду, чтобъ не разлучиться съ своимъ благодѣтелемъ, пока онъ былъ еще тутъ, на землѣ.

Чтобы безслѣдно изчезнуть, Государю нужно было имѣть такъ много сообщниковъ! Неужели всѣ эти близкіе люди были участниками тайны: и Волконскій, и Чернышевъ, и Дибичъ, и всѣ доктора, и камердинеръ „Геогровичъ“, и Илья Байковъ? Но тогда это едва ли была бы уже тайна; во всякомъ случаѣ эта тайна въ предѣлахъ времени, и не дѣти, такъ внуки или правнуки узнали бы ее изъ первоисточника, отъ кого либо изъ участниковъ или ихъ женъ. Наконецъ, для того, чтобы скрыться, Александру I нужно было согласіе и участіе его супруги, императрицы Елисаветы Алексѣевны, такъ какъ, живя въ Таганрогѣ, они почти не разлучались, и окружающіе (Тарасовъ) называли ихъ „молодыми супругами“. Допустимъ мало вѣроятное, что такое согласіе было получено; но сколько въ такомъ случаѣ нужно было истинно-драматическаго таланта, чтобы разыграть у гроба чужого для императрицы покойника неподдѣльную скорбь, убиваться, ходить по два раза въ день къ гробу, подолгу смотрѣть на него, писать о своемъ горѣ, наконецъ... чтобъ умереть отъ полнаго истощенія силъ и отъ скорби, полгода спустя, въ Бѣлевѣ, 3-го Мая 1826 г., передъ тѣмъ написавъ императрицѣ-матери: „Notre Ange est au ciel, et moi, je végette encore sur la terre“...*)

Про Александра I, только что вновь сблизившагося и полюбившаго свою, давно покинутую, супругу, отправившаго ее лѣчиться въ Таганрогъ и окружившаго нѣжными заботами, разсказываютъ сторонники легенды, что онъ имѣлъ въ сущности другую цѣль, потому что захватилъ съ собой какой-то похоронный церемоніалъ.

Положимъ, однако, что всѣ многочисленные участники заговора, окружавшіе постель государя при послѣднихъ минутахъ его жизни и изображенные на рисункѣ кончины Александра, даже съ императрицею во главѣ, положившіе фельдъегеря Маскова въ гробъ императора, всѣ они свято хранили и сохранили навсегда тайну; что графъ В. В. Орловъ-Денисовъ также былъ участникомъ этого безпримѣрнаго въ исторіи заговора противъ царствующаго государя, въ союзѣ съ нимъ самимъ; допустимъ, что Тарасовъ усердно ходилъ и заботился о сохранности тѣла покойника, лежавшаго въ гробу (казалось, какъ разъ нужно было позаботиться о противоположномъ); но неужели можно было смѣло открывать гробъ, не опасаясь, что возникнетъ сомнѣніе у людей, наиболѣе знавшихъ императора, у его многочисленныхъ генераловъ и флигель-адъютантовъ, смѣнявшихся въ теченіи пути, у цѣловавшаго

*) Нашъ Ангелъ на небѣ, а я прозябаю еще на землѣ.

тѣло графа Комаровскаго, у графа Аракчеева, близкаго государю съ молодыхъ его лѣтъ... Игра была бы черезчуръ неосторожной!

Но и на это находятся объясненія. Говорятъ, что Масковъ, фельдъегерь, умершій за 2½ недѣли до кончины государя, при паденіи изъ телѣжки въ г. Орѣховѣ и тамъ похороненный (гдѣ же его берегли съ 3-го по 19-го Ноября?) имѣлъ большое сходство съ императоромъ. Но чѣмъ это документально можетъ быть доказано? Кромѣ преданія въ его семьѣ, почему-то пріятно убѣжденной, что въ Петропавловскомъ соборѣ лежитъ не Александръ I, это ничѣмъ не подтверждается. Во всякомъ случаѣ доказательства слабы и едва-ли не отъ послѣдующаго къ предыдущему.

Разсказываютъ еще, со словъ профессора И. Т. Тарасова, будто старикъ лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ упоминалъ о сходствѣ Маскова съ Александромъ; въ своихъ воспоминаніяхъ, подробно описывая смерть Маскова, въ собственномъ его присутствіи (ибо онъ былъ посланъ государемъ оказать убившемуся фельдъегерю медицинскую помощь) Тарасовъ ничего не говоритъ объ этомъ сходствѣ. Равно и профессоръ И. Т. Тарасовъ намъ лично въ Сентябрѣ 1907 г. того не передавалъ.

Впрочемъ, тутъ мы встрѣчаемъ одинъ изъ типичныхъ пріемовъ критики, какими пользуются сторонники легенды. Перейдемъ къ подробному разбору другихъ подобныхъ случаевъ, стараясь провѣрить нѣкоторыя изъ таковыхъ доказательствъ.

Въ Петербургѣ вся царская семья, видѣвшая тѣло государя, ни минуты не сомнѣвалась, что видитъ предъ собой покойнаго старшаго своего члена, столь всѣмъ близкаго, и благоговѣйно цѣловала его руку. Сопровождавшіе тѣло, и графъ Орловъ-Денисовъ, и докторъ Тарасовъ, увѣряли, что тѣло сохранилось вполнѣ хорошо, при чемъ послѣдній даже былъ того мнѣнія, что оно „можетъ быть открыто для всѣхъ“. Конечно, объ этомъ едва-ли старались бы лица, совершавшія подлогъ, хотя бы и удачно; это мало вѣроятно, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Тарасова, уже въ то время появились „нелѣпые слухи“, о которыхъ онъ такъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Слухи тѣ были различные: 1) одни утверждали, что въ гробу, вмѣсто императора, лежитъ кукла; 2) другіе, что государь въ Таганрогѣ скончался насильственною смертію; и 3) наконецъ, что гробъ везутъ пустой, а императоръ будто бы скрылся и отправился въ Америку, и еще другія подобныя нелѣпости, легко въ то время могущія произвести безпокойства и безпорядокъ въ народѣ“.

Д. К. Тарасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ пишетъ о прощаніи царской семьи съ покойникомъ.

„10-го Марта отъ князя Голицына[1]) я получилъ приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня: „Можно ли открыть гробъ, и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?“ Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобъ въ 12 часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностію открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая была тогда беременна[2]), родственно проститься съ покойникомъ. Въ 11½ часовъ вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, графъ Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представилось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобъ мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколькихъ минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную!“

По свидѣтельству Записокъ Герлаха, императрица-мать три раза подходила къ тѣлу, цѣловала руку и восклицала „Oui, c'est mon cher fils Alexandre; ah, comme il a maigri!“[3]) Казалось, это явное доказательство въ пользу того, что императрица Марія Ѳеодоровна узнала въ покойникѣ своего сына; оказывается, что это не такъ: принцъ Вильгельмъ Прусскій въ тоже время „былъ глубоко потрясенъ видомъ усопшаго императора“, поэтому значитъ, что у самой императрицы видимо было сомнѣніе.

Но при такихъ пріемахъ критики является невозможнымъ вообще что-либо доказать. Такіе пріемы, однако, далеко не единственны. Сто-

---

[1]) Т. е. отъ князя Александра Николаевича Голицына, который былъ однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ покойному государю людей. П. Б.

[2]) Великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. П. Б.

[3]) Да, это, мой дорогой сынъ Александръ; ахъ, какъ онъ исхудалъ!

ронники легенды утверждаютъ, какъ нѣчто положительное, какъ фактъ, что старикъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ и пережившій четырехъ государей „*прямо-таки* отказался присягать новымъ (sic) государямъ“ („Волга“, № 9). Кажется, положительное извѣстіе, наводящее на сомнѣніе; но откуда оно взято? Оказывается, оно находится только въ сборникѣ „слуховъ“, записанныхъ какимъ-то дворовымъ человѣкомъ и хранящемся въ архивѣ канцеляріи военнаго министра. Источникъ, едва ли имѣющій серьезное историческое значеніе. Мы не хотимъ опорочивать голословно этого документа, но въ сборникѣ находятся и другіе, подобные же, „слухи“; ихъ много, почему же не взять изъ сборника и другія извѣстія, въ родѣ такихъ: „Государя убили, изрѣзали“..., „Государя напоили такими напитками, отъ которыхъ онъ захворалъ и умеръ“..., „царскаго кучера Илью Байкова отравили ядомъ въ пирожкѣ“...? и т. п. По всѣмъ вѣроятіямъ, это и были тѣ самые „вздорные слухи“, которые распространяли по Москвѣ „кумушки и пустословы“ и о которыхъ писали братья Булгаковы и говорилъ Тарасовъ.

Обращаясь теперь къ другимъ доказательствамъ, въ родѣ перечисленныхъ въ № 9 (1908 г.) газеты „Волга“, остановимся еще на двухъ слѣдующихъ.

По поводу напечатаннаго въ первый разъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ отрывка изъ дневника императрицы Елисаветы Алексѣевны, заключающаго въ себѣ подробное изложеніе всего хода болѣзни ея супруга, всѣхъ измѣненій въ его положеніи, разговоровъ государя и т. п., возбужденъ сторонниками легенды вопросъ, почему же дневникъ обрывается на вечерѣ 11-го Ноября, когда Государю стало временно лучше?... Далѣе широкое поле для догадокъ... Къ великому сожалѣнію, на этомъ рукопись обрывается; можетъ быть, удрученной горемъ императрицѣ не было уже времени писать дневникъ, а можетъ быть конецъ затерялся. Какъ бы то ни было, теперь можно съ увѣренностью сказать, что и въ концѣ ничего особеннаго не было въ смыслѣ благопріятномъ для легенды. Дѣло въ томъ, что теперь извѣстны письма императрицы къ ея матери, принцессѣ Баденской, за все время до самой кончины Елисаветы Алексѣевны; въ этихъ письмахъ она подробно описываетъ послѣдніе дни жизни Александра, его страданія и кончину, а также послѣдующее затѣмъ время въ Таганрогѣ: императрица ежедневно посѣщаетъ тѣло, сообщаетъ о постепенномъ измѣненіи лица покойнаго и другія различныя подробности. Эти письма въ непродолжительномъ времени будутъ опубликованы *).

*) Заранѣе привѣтствуемъ это изданіе. П. Б.

Съ возбужденіемъ вопроса о личности Ѳедора Козьмича особенно повезло Д. К. Тарасову. О немъ вспомнили и теперь стараются выставить его, какъ одного изъ активныхъ участниковъ подлога въ Таганрогѣ и, слѣдовательно, хранителей тайны. Началось это съ легкой руки П. А. Россіева, напечатавшаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1907 г. свои замѣтки и соображенія, явившіяся результатомъ свиданія его съ племянникомъ покойнаго лейбъ-медика, профессоромъ Московскаго университета И. Т. Тарасовымъ. Должно, однако, оговориться, что лично намъ, уже послѣ Россіева, въ Сентябрѣ 1907 г., уважаемый Иванъ Трофимовичъ, прежде всего, прямо заявилъ, что П. А. Россіевъ все имъ сказанное „черезчуръ подчеркнулъ“; трудно сказать, конечно, въ какой мѣрѣ это было сдѣлано, тѣмъ не менѣе фактъ нѣкотораго преувеличенія несомнѣнно на лицо. Доказательства (которыя приведены въ № 9 „Волги“) будто бы „страннаго поведенія“ лейбъ-хирурга Тарасова въ отношеніи старца Ѳедора Козьмича сводятся къ слѣдующему: 1) онъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра I, 2) считалъ его „святымъ человѣкомъ“, 3) „страшно взволновался, какъ будто его задѣли за живое, какъ будто подняли покровъ надъ тайною“ и т. д., когда однажды мать И. Т. Тарасова сказала: „отчего же императоръ Александръ Павловичъ и не могъ принять образъ старца Ѳедора Козьмича? Всякое бываетъ“!.., 4) вспоминая Маскова, Тарасовъ будто бы говорилъ о его сходствѣ съ Александромъ, и это-де подало поводъ къ легендѣ, что въ 1826 г. хоронили не государя, и прибавлялъ: „явный вздоръ!“, 5) Тарасовъ имѣлъ большія средства, „которыя нельзя было нажить практикой“; значитъ, его особо наградили свыше, осыпали деньгами, конечно за какія-то особенныя заслуги, и 6) самое важное,—будто Д. К. Тарасовъ, „человѣкъ религіозный, никогда не служилъ панихидъ по Александрѣ Благословенномъ вплоть до 1864 г., а когда въ Сибири умеръ Ѳедоръ Козьмичъ, Тарасовъ сталъ служить панихиды ежегодно. И все тайкомъ! Случайно узнали объ этомъ отъ кучера и, вѣдь, что̀ курьезно: Тарасовъ не ѣздилъ служить панихиды въ Петропавловскій соборъ, а либо въ приходскія церкви, либо въ Исаакіевскій и Казанскій соборы“.

Встрѣчаемъ и здѣсь тѣ же „курьезные“ пріемы критики: Александръ I „святой человѣкъ“—значитъ, Ѳедоръ Козьмичъ; „явный вздоръ“ говоритъ Тарасовъ о слухахъ (также, какъ и въ своихъ „Запискахъ“),—значитъ, напротивъ; ибо сказано „съ подчеркиваніемъ, назидательно“, поэтому—нельзя вѣрить; тутъ явное желаніе скрыть истину. Но вѣдь нельзя же такъ относиться хотя бы даже къ словеснымъ свидѣтельствамъ, спустя 45 лѣтъ послѣ разговора „однажды“.

Останавливаясь на послѣднемъ пунктѣ, т. е. на служеніи панихидъ Тарасовымъ, мы хотѣли бы спросить: сколько же разъ служились эти панихиды послѣ смерти Ѳеодора Козьмича? Какъ будто, по разсказу, много разъ, ибо и въ приходскихъ церквахъ, и въ соборахъ Исакіевскомъ и Казанскомъ; а чѣмъ доказать, что онъ не служилъ панихидъ и раньше, разъ это дѣлалось тайкомъ (раньше кучеръ могъ и не сказать, или его не спрашивали!); кромѣ того, не видно, въ какой день служились эти панихиды: 19 ли Ноября или 20 Января? Вотъ сколько недоумѣній является по поводу этого свидѣтельства. Можемъ однако замѣтить, что много панихидъ послѣ смерти Сибирскаго старца Д. К. Тарасовъ служить не могъ. Дѣло въ томъ, что профессоръ И. Т. Тарасовъ ошибается, говоря, что его дядя скончался „въ первой половинѣ 70-хъ годовъ“. Лейбъ-хирургъ Тарасовъ родился въ ночь съ 25 на 26 Октября 1792 г., а умеръ въ Царскомъ Селѣ *12 Іюня 1866 г.*, 74 лѣтъ; значитъ, Тарасовъ пережилъ всего на 2 года Ѳедора Козьмича, умершаго далеко, въ Сибири, 20 Января 1864 г., и могъ, вѣроятно, отслужить по немъ не болѣе 2—3 панихидъ. Еще вопросъ: какъ могъ знать кучеръ, по комъ служилъ Тарасовъ панихиды, если онъ желалъ это скрыть, сдѣлать „тайкомъ“?

Кажется, ничего нѣтъ особеннаго въ томъ, что старикъ не любилъ говорить о кончинѣ императора Александра, котораго онъ искренне и „сыновне“ любилъ и основательно считалъ своимъ благодѣтелемъ, такъ какъ послѣ его кончины окончилась и его, удачно начавшаяся, придворная карьера. Тяжело, конечно, ему было вспоминать все то, что онъ пережилъ въ Ноябрѣ 1825 г. въ Таганрогѣ и что такъ подробно и добросовѣстно занесъ въ свои, забытыя теперь, „Воспоминанія“, изъ которыхъ выше нами приведено нѣсколько выдержекъ и къ которымъ мы теперь обратимся. Эти „Воспоминанія“, напримѣръ, сейчасъ же и разъяснятъ намъ, откуда у Тарасова были большія средства, не смотря на то, что послѣ кончины Александра I, благодаря происканъ Вилліе, онъ почти былъ удаленъ отъ двора. Никакихъ особыхъ наградъ онъ не получалъ, но практика дала ему нѣкоторыя средства, которыя онъ вложилъ въ торговыя операціи своего земляка Рязанскаго откупщика, извѣстнаго богача Рюмина; именно это увеличило быстро и весьма значительно капиталъ Тарасова. Въ своихъ Воспоминаніяхъ, писанныхъ спустя много лѣтъ, („переступивъ за полвѣка моей жизни“; подаренная Тарасову въ 1820 г. въ Тропау Александромъ I енотовая шуба прожила у него 30 лѣтъ, т. е. 1820+30=1850 г.), Тарасовъ описалъ послѣдніе дни жизни Александра такъ точно, какъ запечатлѣлось это въ его памяти, съ подробнымъ перечисленіемъ бывшихъ тутъ докторовъ, съ указаніемъ

признаковъ болѣзни, способовъ лѣченія и самыхъ лѣкарствъ; наконецъ, онъ точно описалъ самую кончину, окружающихъ, свои чувства, отказъ отъ участія въ бальзамированіи „изъ сыновняго чувства“, при чемъ назвалъ всѣхъ участниковъ.

Вотъ что пишетъ Тарасовъ: „17 Ноября. Ночь Государь провелъ нѣсколько спокойнѣе; жаръ былъ менѣе сильный, пульсъ до 100 ударенiй (поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала). Но къ вечеру положеніе Государя сдѣлалось снова хуже, всѣ припадки ожесточились, признаки угнетенія мозга были очень очевидны и погасили всякую надежду на благопріятный исходъ болѣзни“.

„18 Ноября. Ночь всю провелъ Государь въ забытьи и безпамятствѣ; только по временамъ открывалъ глаза, когда императрица, сидя подлѣ него, говорила съ нимъ, и по временамъ, обращаясь взоромъ на св. распятіе, крестился и читалъ молитвы. Несмотря на забывчивость и безпамятство отъ усиливающагося угнетенія мозга, всегда, когда приходила императрица, Государь чувствовалъ ея присутствіе, бралъ ея руку и держалъ надъ своимъ сердцемъ. Къ вечеру Государь началъ очевидно слабѣть. Когда я давалъ ему пить съ ложки, то замѣтилъ, что онъ начиналъ глотать медленно и несвободно. Я не замедлилъ объявить объ этомъ. Князь Волконскій тотчасъ доложилъ императрицѣ, которая въ 10 часовъ вечера пришла въ кабинетъ и сѣла подлѣ умирающаго на стулѣ, постоянно своею лѣвою держа его правую руку. По временамъ она плакала. Я во всю ночь безотходно, позади императрицы, стоялъ у ногъ Государя. Питье онъ проглатывалъ съ большимъ трудомъ; въ 4-мъ часу за полночь, дыханіе замѣтно стало медленнѣе, но спокойно и безъ страданій. *Вся свитскіе и придворные стояли въ опочивальнѣ во всю ночь* и ожидали конца этой сцены, который приближался ежеминутно. Наступило 19 Ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи Государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи Императора“.

„Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и на св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ минутъ утра незабвенный и великій монархъ

мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо! Нашъ Ангелъ въ небесахъ!!!...“

„Государыня императрица, неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ ровно 12-ть часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ, подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты“.

Очевидно, человѣкъ много пережилъ и перечувствовалъ въ эти дни; можно-ли такъ лгать? Наконецъ, можетъ быть, имѣло бы смыслъ въ то время, для сохраненія тайны, одному изъ участниковъ этого событія такъ фальсифицировать свои Записки; но не надо забывать, что „Воспоминанія“ Д. К. Тарасова, его „признанія моей жизни“, писаны имъ исключительно для дѣтей его (чтобы они могли „почерпать изъ нихъ полезное и поучительное“) приблизительно въ срединѣ 1850-хъ гг., когда онъ былъ уже давно вдали отъ двора. Какой смыслъ имѣло бы ему, на старости лѣтъ, выдумывать, лгать, сочинять такую сложную по мелочности картину смерти Александра I, ему, человѣку, хотя рѣзкому, но прямому и религіозному? Для чего нужно это было, когда всѣ участники и свидѣтели давно сошли со сцены, большею частью уже умерли? Легче было бы, кажется, Тарасову совсѣмъ не писать своихъ воспоминаній, разъ онъ былъ участникомъ исчезновенія изъ Таганрога Александра I или совершителемъ подлога въ гробу императора, чѣмъ безцѣльно, безсмысленно сочинять небылицы и брать новый грѣхъ на душу.

Свѣряя всѣ мелочныя показанія Тарасова съ свѣдѣніями другихъ лицъ и, главное, остальныхъ врачей, мы поражаемся точностью и необыкновеннымъ согласіемъ всѣхъ свидѣтелей, писавшихъ въ разное время, по разнымъ поводамъ и разными способами (воспоминанія, записки, письма и т. п.). О ходѣ болѣзни согласно говорятъ императрица-супруга, докторъ Стоффрегенъ, бывшій при государѣ съ 9 Ноября и писавшій брату 23 Ноября о кончинѣ государя Рейнгольдъ, и другіе. Современникъ со словъ доктора Рейнгольда разсказываетъ слѣдующее. „Докторъ Рейнгольдъ, находившійся при немъ ночью съ 13-го на 14-е Ноября, сообщилъ мнѣ на другой день, что онъ, входя въ комнату больного, замѣтилъ признаки пораженія мозга и что болѣзнь приняла такой плохой оборотъ, что уже нѣтъ надежды на выздоровленіе.

Штоффрегенъ говорилъ, что только крѣпкая натура императора могла вынести пароксизмы этого утра, когда онъ ожидалъ съ минуты на минуту, что все будетъ кончено. На 18 Ноября усиленіе лихорадки опять встревожило всѣхъ, тѣмъ болѣе, что силы государя безнадежно упали. Но часы пробили 9, и государь обратилъ на нихъ глаза, еще полные жизни. Когда вслѣдъ за этимъ онъ увидѣлъ дорогую и милую ему императрицу, онъ хотѣлъ говорить, но, увы! не могъ сказать ей привѣтливаго слова; онъ лишился уже языка, и лишь по движенію губъ его можно было отчасти угадывать его желанія; онъ могъ только улыбнуться ей, пожать и поцѣловать ея руки. Къ вечеру онъ не въ состояніи былъ проглотить пищу; при видѣ конвульсій въ разныхъ частяхъ головы, особенно въ глазахъ, чувствовалась приближающаяся съ каждой минутой кончина этого привлекательнаго человѣка, столь дорогого для всей Россіи; дыханіе его обратилось наконецъ въ глухое хрипѣніе, послышались плачъ и стоны во дворцѣ, но спустя нѣсколько времени больной сталъ покойнѣе, черты лица его приняли обычное выраженіе, только ротъ оставался открытымъ; онъ узналъ еще императрицу и обратился къ ней съ обычною нѣжностью. Осматриваясь, онъ замѣтилъ доктора Добберта, котораго не привыкъ видѣть около себя, взглядъ его выразилъ удивленіе и любопытство; онъ хотѣлъ конечно спросить, зачѣмъ онъ тутъ, но не могъ и тотчасъ же закрылъ глаза. Въ насъ снова проснулась надежда. Анисимовъ, камердинеръ Императора, выразился при этомъ весьма характеристично: онъ увѣрялъ, что государь „отбаливается и будетъ здоровъ“. Но надеждамъ нашимъ не суждено было оправдаться. Въ Четвергъ, 19-го Ноября, день принесшій намъ и всей Россіи столько горя, что онъ нескоро изгладится изъ памяти народной, пароксизмы закончились долгой агоніей: она сопровождалась стонами, въ которыхъ слышалось страданіе, и икотой, предвѣстницей смерти. Дыханіе его становилось съ каждымъ разомъ короче и разъ 5 останавливалось вовсе; наконецъ, въ $10^{3}/_{4}$ часовъ императоръ скончался въ присутствіи императрицы. Ее оставили одну съ умирающимъ супругомъ; она молилась во все время агоніи и оставалась еще съ полчаса передъ бездыханнымъ трупомъ, закрыла глаза покойному и подвязала ему подбородокъ. Можно ли было ожидать, чтобы слабая натура государыни, пораженная болѣе, чѣмъ неизлѣчимымъ недугомъ, вынесетъ столько нечеловѣческихъ усилій, если бы она не вмѣщала такой великой, твердой, сильной души? Кто бы подумалъ, что она, вопреки общаго порядка вещей, съ ея слабымъ и разстроеннымъ организмомъ, переживетъ человѣка сильнаго, крѣпкаго и здороваго, который природную крѣпость своего организма поддерживалъ строгою и воздержною жизнію“.

Вскрытіе производилось 20 Ноября вечеромъ и ночью. Тѣло покойнаго императора сохранило свои атлетическія формы. Докторъ Стофрегенъ о результатахъ вскрытія говоритъ только, что оно подтвердило діагнозъ врачей; они не ошиблись. По его мнѣнію государь скончался отъ тифа.

Когда приняты были врачами, потерявшими надежду, уже послѣднія, энергическія мѣры, и къ головѣ государя было поставлено 30 піявокъ съ его многолѣтнимъ другомъ, княземъ П. М. Волконскимъ „сдѣлалось дурно; онъ совершенно упалъ духомъ и обезсилѣлъ, подавленный горемъ“. 19 Ноября въ 10 часовъ утра этотъ наиболѣе близкій Александру I человѣкъ началъ писать письмо Милорадовичу: „Увы! наши желанія не исполняются; вчера его величество дошелъ до такой неимовѣрной слабости, что не имѣлъ силы проглотить лѣкарства, всегда почти въ безпамятствѣ“. Затѣмъ письмо брошено, наступили послѣднія минуты, и въ 2 часа дня Волконскій продолжалъ на томъ же начатомъ письмѣ: „Россія осиротѣла; въ 3/4 11-го часа не стало Государя. Оплакивайте потерю добрѣйшаго отца отечества. Государыня находилась при кончинѣ его величества до послѣдней минуты, сама закрыла глаза, сомкнула губы, приняла послѣдній его вздохъ.... слезы мѣшаютъ продолжать, прощайте“.

Въ тоже время Дибичъ 19 Ноября писалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „По жестокой обязанности моей нахожусь принужденнымъ писать къ вашему императорскому величеству письмо сіе; сердце мое, преисполненное горести, едва позволяетъ мнѣ сіе выполнить. Всеавгустѣйшій сынъ вашего императорскаго величества, обожаемый нами государь нашъ императоръ Александръ Павловичъ въ сіе утро кончилъ жизнь свою отъ тяжкой болѣзни, о коей ваше императорское величество едва еще только получили увѣдомленіе. По отправленіи послѣдняго извѣщенія моего отъ вчерашняго числа къ тайному совѣтнику Вилламову, положеніе его величества не оставляло намъ почти никакой надежды; съ полуночи оно сдѣлалось отчаяннѣе, а въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ Всевышнему угодно было призвать его величество въ жизнь вѣчную“. (Истор. Вѣстникъ, № 7, 1907 г.).

Всѣ эти достопамятныя извѣстія сходятся одно съ другимъ; нѣтъ ни одного голоса, ни одного свидѣтеля, который становился бы въ противорѣчіе, даже въ подробностяхъ и мелочахъ. Кажется, ни одно историческое событіе не можетъ быть такъ прочно подкрѣплено различными свидѣтельствами очевидцевъ-современниковъ, писавшихъ въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, какъ фактъ смерти Александра I-го 19 Ноября 1825 г. въ Таганрогѣ. Въ любомъ судеб-

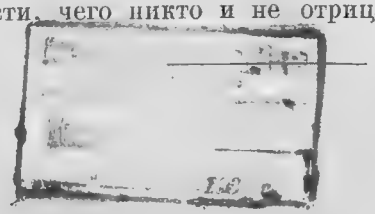
номъ процессѣ такое согласное показаніе свидѣтелей убѣдило бы судей въ непреложности и дѣйствительности факта извѣстнаго событія.

Скептицизмъ въ исторіи особенно желателенъ, ибо требуетъ болѣе точной провѣрки и самого себя, и источниковъ, требуетъ изысканія и представленія все новыхъ положительныхъ данныхъ; но когда этотъ скептицизмъ переходитъ въ упорное отрицаніе, тогда онъ не только теряетъ свою цѣнность, но и дѣлаетъ невозможнымъ всякую борьбу съ нимъ; при этомъ условіи ни опровергнуть, ни доказать чего-либо нельзя, какъ нельзя убѣдить человѣка, говорящаго: „такъ-то такъ, а все-таки“.....

Чтобы покончить съ нашей замѣткой по поводу того скорѣе психологическаго, чѣмъ фактическаго матеріала, который обыкновенно выдвигается впередъ сторонниками легенды, остается еще сказать, что нельзя опровергать, конечно, субъективныя убѣжденія многихъ лицъ, особенно Сибиряковъ, въ томъ, что Ѳедоръ Козьмичъ былъ не кто иной, какъ императоръ Александръ I. Это уже дѣло вѣры, и эта вѣра въ Сибири очень крѣпка, что̀ доказывается обиліемъ того повѣствовательнаго (при полномъ отсутствіи фактическаго и документальнаго) матеріала, который былъ собранъ Н. А. Лашковымъ (тоже Сибирякомъ, проникнутымъ при томъ большимъ піэтетомъ къ предмету своихъ изысканій).

Еще послѣднее замѣчаніе. Часто указывается на посѣщеніе могилы старца въ Томскѣ многими высокопоставленными лицами. Думается намъ, однако, что это доказательство не имѣетъ большого значенія: легенду, конечно, знаютъ многіе, можетъ быть иные вѣрятъ въ нее, но, конечно, никто точно не знаетъ и не имѣетъ доказательствъ того, кто былъ именно этотъ старецъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ, употребившій такъ много труда и стараній, чтобы разгадать „тайну“ Ѳедора Кузьмича, дѣлая свои предположенія о Семенѣ Великомъ, сынѣ Павла Петровича, прямо высказываетъ, что ему неизвѣстно, кто былъ Ѳедоръ Козьмичъ. Авторъ пока только вполнѣ ясно и безповоротно доказалъ, что таинственный старецъ не былъ покинувшій престолъ Александръ Павловичъ. Посѣщается могила Ѳедора Козьмича, личность котораго связана съ поэтической легендой, какъ одна изъ немногихъ достопримѣчательностей Томска, а служатся на ней панихиды потому, что народу въ Томскѣ памятна отшельническая, благочестивая жизнь старца, окруженная ореоломъ святости, чего никто и не отрицаетъ.



А. Голомбіевскій.

ПОДПИСКА

НА

РУ́ССКІЙ А́РХИ́ВЪ

1908 года.

(Годъ 46-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1908 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 30 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги „Русскаго Архива“ покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Московскіе подписчики 1908 года, покупая вмѣстѣ и весь 1907 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**